

О ТОМБЕРГЕ Е. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ТОМБЕРГ Евгений Иванович, родился в 1900-х. Получил высшее медицинское образование. Проживал в Челябинске, работал врачом в больнице. Женат на враче Е. Ф. Некрасовой. В октябре 1937 — арестован как социально опасный элемент и заключен в тюрьму, в начале ноября приговорен к высшей мере наказания и 13 ноября расстрелян¹.

В июне 1938 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена Е. Ф. Некрасова.

<27 июня 1938>

«Уваж<аемая> тов<арищ> Пешкова!

Придет ли мое письмо к Вам? Затеряется ли в пути? Получу ли я ответ? Боль, невероятная боль вот уже в течение 8 месяцев ищет исхода. Почему Вам писать? Надо же кому-нибудь и когда-нибудь.

Я еще молода — мне всего 28 лет, я молодой советский врач. В октябре 1937 года я жила в гор<оде> Челябинске. Рядом со мной жил и работал мой муж, Томберг Евгений Иванович, тоже врач, тоже советский гражданин; человек во много раз чище, лучше, умнее, чем я. Нет, он не был ни шпионом, ни диверсантом, ни вредителем, он не имел связи с границей. Не верьте, если вам скажут это. Мне лучше знать. Пять лет рядом. Пять лет человек был товарищем, другом, любимым. Пять лет, каждый шаг, каждый вздох его известен мне. Это не помешало тому, что его отняли у меня (в октябре 1937 г<ода>). Он оказался "социально-опасным". А я?! Что спасло меня от его участи? Как это ни глупо и ни страшно, переезд на 800 км от Челябинска аннулировал все мои "преступления". Меня ждала участь мужа. 8-го ноября я получила телеграмму от отца, что меня разыскивает НКВД, что требуют, чтобы я сама приехала. И я ослушалась, не поехала, пожалела своего грядущего сына. Я только сообщила свой адрес и стала ждать, когда же меня заберут.

Так-таки я оказалась никому не нужной. Скажите, кто же был преступником — я или тот, кто хотел засадить меня за решетку, не имея на то никаких оснований?

А ведь что со мной ни проделывали — несколько месяцев я была без работы, мне не выдали документов на основании того, что меня "все равно найдут", мне дали справку, что я жена врага народа. Надо мной издевались, что и как хотел. Вы думаете я молчала? Я сообщила везде, где могла, я трижды писала в прокуратуру. Ответом было молчание. Мне, человеку глубоко советскому, плюнули в душу, из меня сделали врага.

Зачем? Кому это было нужно? Неужто у Сов<етской> власти еще мало врагов, чтобы создавать их искусственно.

Неужто надо истоптать, изранить человека, который ни в чем не виновен.

А муж? Отец моих детей?

Надо сказать, что когда пришли его арестовать, он был в командировке. Мне пришлось лично сообщить ему. На мою долю выпало поддержать его в первый страшный момент, подготовить, проводить его лично до дверей НКВД. Бедный "конвой" целовался на глазах у удивленных часовых. Томберг чуть не помешался с горя. Это был не страх, эта была боль от незаслуженного оскорбления. Как я понимаю его. И вот... 8 месяцев. В каждом 30 дней. В каждых сутках 24 часа. Работаю ли я, отдыхаю, смеюсь ли, неотступно преследует одна мысль — а он?

¹ Сталинские списки. stalin.memo.ru/names/p372.htm...

Я думала — время излечивает.

Где он? Погиб ли, умер, не вынес, покончил с собой, работает ли, где?

Ничего нет, человек пропал без вести. А я должна, сжав плотно зубы и подняв высоко голову, нести ужас, всю тяжесть этого. Молча, чтобы никто не видел и не знал. Помогите! Хоть какую-нибудь ясность, хоть что-нибудь. Пусть они мне скажут, если он мертв. Я теряю силы, я не могу больше этого выносить.

О, если бы вы знали, какая невероятная боль вынудила меня к этому письму, вы пожалели бы меня.

Мне 28 лет, а я устала жить.

И нужно ли жить с этим проклятием в душе.

Тяжело! Тяжело! Тяжело!

Гор<од> Прохладный К<абардино>Б<алкарской> АССР, Советская...

Некрасова Е.Ф.»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1684. С. 145-146. Автограф.